

УДК 343.13
ББК 67.410.2
X 24

С.Г. Хасанова,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-909-470-48-07, e-mail: suleta188@mail.ru

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в свете развития в России института медиации (Рецензирована)

Аннотация. В работе проведен комплексный анализ института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Изложение материала основано на априорной оценке примирения потерпевшего и обвиняемого как медиационной модели. Этот подход позволил выйти за рамки традиционного анализа ст. 25 УПК и определить перспективные направления ее совершенствования в части расширения гарантий прав участников примирения.

Ключевые слова: примирение сторон, прекращение уголовного дела, медиация, потерпевший, обвиняемый, подозреваемый, возмещение вреда, компромисс.

S.G. Khasanova,

Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Law Faculty, Adyghe State University. Maikop, ph.: 8-909-470-48-07, e-mail: suleta188@mail.ru

Termination of criminal case related to the reconciliation of the parties in the light of development of mediation institute in Russia

Abstract. A comprehensive analysis is made of the institute of the termination of a criminal case related to the reconciliation of the parties. Presentation of the material is based on the a priori estimate of reconciliation between the victim and the accused as a mediation model. This approach allowed us to go beyond the traditional analysis of Art. 25 of CPC and identify promising directions for its improvement in terms of expanding the right guarantees of participants of the reconciliation.

Keywords: reconciliation of the parties, termination of criminal case, mediation, the victim, the accused, the suspected, compensation of the damage, compromise.

Ориентация российской уголовной и уголовно-процессуальной политики на максимально полную защиту прав личности актуализирует потребность в поиске альтернативных механизмов разрешения криминального конфликта. В этой связи большой научный и практический интерес представляет институт медиации.

В российском уголовном процессе он оценивается по-разному: от безоговорочного признания его эффективности и полезности до констатации невозмож-

ности и даже вредности его введения в российский уголовный процесс. Очевидно, что в основе крайних суждений лежат ограниченные представления о принципах, целях и существе медиации и чрезмерно упрощенные оценки западных восстановительных технологий.

В настоящее время медиационные процедуры активно развиваются как в странах англосаксонской, так и континентальной систем права. В США действует 380 моделей медиации,

в Германии — 350, а в Финляндии — 140 [1]. Особенности согласительных (примирительных) процедур позволяют говорить о существовании американской, австрийской, британской, австралийской, норвежской и иных школ медиации. Несмотря на многообразие проявлений, их объединяет главное — сохранение идейной основы медиации, проявляющейся в примирении двух враждующих сторон правового конфликта при посредничестве третьего независимого лица.

Согласительный характер медиации подчеркивается на международном уровне. В частности, в рекомендации №R (99) 19 Комитета министров Совета Европы отмечается, что восстановительное правосудие учитывает важность достижения компромисса между сторонами, развития чувства ответственности у преступника, предоставляет ему возможности для исправления, реинтеграции и реабилитации, способствует повышению в сознании людей роли человека и сообщества в предотвращении преступлений [2].

За последние десятилетия Европейский Союз создал широкую правовую основу для развития медиационных процедур: действует Европейский кодекс поведения медиатора и специальные директивы, направленные на стимулирование развития в европейских странах восстановительного правосудия.

В наиболее общем и усредненном виде современную медиацию можно определить как модернизированную модель общинного правосудия, по образному выражению Н. Кристи, «модель горизонтального правосудия, осуществляемого равными по отношению к равным, где равенство обуславливается тесным общением, а компенсация ущерба всегда является предпочтительнее возмездия» [3]. Основываясь на идеях аболуционизма и теории «обобщающего стыда», идеологи медиации видят в ней исключительно добровольный акт участников конфликта, заинтересованных в максимально полной реализации своих прав [4].

Условно можно выделить три вида медиации:

1) обычная медиация предполагает достижение компромисса между сторонами по собственной инициативе или по предложению государственного органа. К разрешению спора не привлекается профессиональный медиатор и не проводятся специальные встречи сторон. Обычная процедура может сопровождаться как письменным оформлением компромисса, так и устно выраженным желанием разрешить конфликт;

2) в отличие от обычной медиации, классическая модель предполагает привлечение к разрешению спора профессионального посредника, комплексную оценку обстоятельств конфликта и подписание соответствующего примирительного договора. Эта форма достижения компромисса активно развита в странах Западной Европы. Она может проводиться судом, адвокатом или нотариусом. В этих случаях функции медиаторов не исчерпываются управлением переговорами, а предполагают использование ими своей профессиональной квалификации для оформления юридически значимого решения;

3) в отличие от двух предыдущих форм, сложная медиация предполагает разрешение конфликта не только в юридическом, но и в эмоциональном (психологическом) плане. Как справедливо отмечает Р. Усцила, ее целями являются поощрение диалога между жертвой и преступником, удовлетворение информационных потребностей сторон, устранение эмоциональной напряженности, нейтрализация вероятных дополнительных травм [5]. Эта модель распространена в США и в последние годы снискала признание в Германии [6].

Несмотря на широкое распространение и многообразие форм медиации, российские криминалисты настороженно относятся к самой идее умаления публичных начал уголовного процесса посредством развития альтернативных согласительных процедур. Предвзятость в оценках медиации приводит к тому, что в российском уголовном процессе дискредитируется сама идея примирения сторон, а институты,

призванные составить основу медиации, приобретают настолько размытый и противоречивый характер, что оказываются не в состоянии реализовать заложенный в них потенциал.

В первую очередь речь идет об институте прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Являясь процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ), он имеет ряд противоречий и пробелов, уяснение и разрешение которых может положительно сказаться на развитии медиации в российском уголовном процессе.

Оценка ст. 25 УПК РФ с позиции реализации в ней идей и принципов медиации позволяет выделить три блока вопросов, нуждающихся во внимательном и комплексном рассмотрении:

- 1) неопределенность содержания института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон;
- 2) субъектный состав медиационных отношений;
- 3) юридическая форма медиационного соглашения.

1. В УПК РФ о возможности прекращения уголовно-процессуального производства в связи с примирением с потерпевшим указывается трижды. В ч. 2 ст. 20 УК РФ это правило распространяется на дела частного обвинения, в ч. 3 ст. 20 — на дела частного-публичного обвинения, а в ст. 25 УПК РФ — на дела публичного обвинения. Поскольку ч. 3 ст. 20 УПК РФ является отсылочной, можно говорить о том, что российский процесс знает две формы прекращения уголовно-процессуального производства — в рамках уголовного преследования по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) и собственно примирение сторон (ст. 25 УПК РФ).

За долгие годы активного применения этих норм сгладилась острота противоречий. Но это не умаляет значимость их рассмотрения в рамках исследования медиационных процедур.

Прежде всего вопросы вызывает использование в названии и содержании ст. 25 УПК термина «прекращение

уголовного дела». В уголовном процессе применяются два различных понятия — «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». Под первым понимается окончание производства по делу, а именно завершение анализа конкретного жизненного случая в рамках уголовно-процессуальной деятельности [7], под вторым — «завершение стороной обвинения процессуальной деятельности, направленной на изобличение конкретного лица в совершении преступления [8].

С учетом выявленных выше различий можно считать, что термин «прекращение уголовного дела» является корректным только в отношении дел частного обвинения, поскольку они возбуждаются по жалобе в отношении конкретного лица (ч. 1 ст. 318 УПК). Прекращение уголовного преследования такого лица одновременно влечет прекращение уголовного дела.

Иную форму имеет примирение сторон в рамках ст. 25 УПК. В этой ситуации возможно наличие нескольких обвиняемых. Как быть в случаях, когда только один из них примирился с потерпевшим? Можно ли в этом случае говорить о прекращении уголовного дела, т.е. о прекращении уголовного преследования в отношении всех обвиняемых? Де-юре — да, де-факто — нет.

На то, что использование в названии ст. 25 УПК термина «прекращение уголовного дела» является ошибкой законодателя, указывает содержание нормы. В ней говорится о возможности «прекращения уголовного дела в отношении лица», что само по себе невозможно, ибо прекратить в отношении кого-либо можно только уголовное преследование.

Не менее острой проблемой является дискретный характер прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон. Согласно ст. 25 УПК, суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица. Таким образом

законодатель подчеркивает, что освобождение подозреваемого или обвиняемого от уголовной ответственности — право, а не обязанность суда (следователя, дознавателя). А поскольку в законе не определены условия реализации этого права, можно говорить о возможности злоупотребления им со стороны правоохранительных органов.

И практика подтверждает этот вывод. В частности, крайне редко допускается прекращение уголовных дел на основании ст. 25 УПК на стадии предварительного расследования.

По мнению М. Восканян, это объясняется тем, что в статистических отчетах о проделанной работе, которые дознаватели, следователи и прокуроры сдают по вертикали, есть графа о количестве законченных дел, которые направлены в суд [9].

Последний, напротив, заинтересован в прекращении уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам. Примирение сторон в отличие от других оснований прекращения уголовного дела, не связывает суд обязательствами по установлению факта деятельного раскаяния, компенсации вреда и др. В 80% случаев он ограничивается приобщением к материалам дела заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела [10].

Изложенное свидетельствует о высоком риске злоупотреблений правом со стороны правоохранительных органов, что само по себе дискредитирует медиационный характер примирения сторон.

2. Говоря о *субъектном составе медиационных отношений*, следует разграничивать понятия медиация и примирение. Участниками примирения в рамках ст. 25 УПК являются потерпевший и подозреваемый (обвиняемый). К субъектам медиации помимо участников примирения относятся суд, следователь (с согласия руководителя следственного органа) и дознаватель (с согласия прокурора).

Активной стороной в примирительной и медиационной процедуре является лицо, совершившее преступление

и являющееся либо подозреваемым, либо обвиняемым.

В теории уголовного процесса существуют различные подходы к определению его процессуального статуса.

В частности, Е.А. Рубинштейн включает признание стороной медиации лица, фактически совершившего деяние, но не наделенного соответствующим процессуальными полномочиями [11].

А.В. Ендольцева, напротив, отрицает всякие уголовно-процессуальные признаки виновного: «поскольку субъект преступления и потерпевший «появляются» в момент, когда совершено преступное деяние, т.е. вне зависимости от того, будет ли лицо, совершившее преступление, привлечено к уголовной ответственности, то возможность примирения данных лиц и их право на примирение начинает существовать также с момента совершения преступления, вне зависимости от процедурных рамок уголовного процесса» [12].

В русле процессуального анализа медиации последняя позиция кажется спорной. При решении частных, не урегулированных процессом проблем важно исходить из общих положений уголовно-процессуального законодательства, а не подменять процессуальные категории материальными. Если стороны договорились о примирении до стадии возбуждения уголовного дела, мы имеем дело с другим правовым институтом. Так, в случае, когда совершенное преступником деяние относится к числу дел частного или частно-публичного обвинения, потерпевший просто отказывается от возбуждения уголовного дела. И отказ в этом случае не тождественен примирению в рамках ст. 25 УПК.

Вторым активным субъектом медиации выступает *потерпевший*.

Существует два подхода к оценке статуса потерпевшего как участника примирения.

В основу первого заложено процессуальное определение потерпевшего как лица, в отношении которого вынесено специальное постановление прокурора, следователя или суда [13].

Вторая позиция ориентирована на установление факта причинения лицу юридически значимого вреда при условии направленности деяния исключительно на причинение вреда частным интересам [14]. В частности, в рамках второго подхода исключается возможность примирения с лицом, пострадавшим от преступления, совершенного против государственных либо общественных интересов.

Современная судебная практика широко использует обе позиции. Приведем только два примера.

В первом случае Московский областной суд не согласился с решением о прекращении уголовного дела на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ. Уголовное дело в отношении Селезнева, обвинявшегося в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285, ст. 292 УК РФ, было прекращено судом в связи с примирением с потерпевшим И. на основании ст. 76 УК РФ, ст. ст. 25 и 254 УПК РФ. Однако вред, в причинении которого обвинялся Селезнев, не мог быть заглажен путем примирения с гражданином И., поскольку в первую очередь в результате противоправных действий должностного лица вред причиняется интересам государства, которые в данном случае остались незащищенными. В указанном случае примирение с потерпевшим не устранило вред, нанесенный деятельности органа государственной власти, преступление в целом не утратило своей общественной опасности, и уголовное дело по данному основанию прекращено быть не могло [15].

Во втором случае Самарский областной суд, напротив, признал обоснованным прекращение на основании ст. 25 УПК РФ уголовного дела в отношении Ильина по ч. 1 ст. 330 УК РФ. Как указала в своем кассационном определении уголовная коллегия, «доводы прокурора о том, что примирение по ст. 330 УК РФ невозможно в силу того, что данное преступление имеет два объекта, один из которых — установленный законом или иным правовым актом порядок совершения каких-либо действий, а следовательно,

вред, причиненный государству, заглавить невозможно, нельзя признать обоснованными, поскольку ст. 76 УК РФ не содержит каких-либо запретов в применении данной нормы, связанных с двойным объектом посягательства, в связи с чем суд пришел к выводу о возможности примирения» [16].

Поскольку в действующем законодательстве не содержится ограничений, связанных с направленностью посягательства одновременно на два объекта, можно говорить о том, что участниками примирения могут быть физические или юридические лица в случае причинения им юридически значимого вреда (ст. 42 УПК). Для признания их участниками примирения достаточно вынесения соответствующего постановления о признании в качестве потерпевшего.

С этих позиций можно считать обоснованной позицию А.А. Куприянова, согласно которой «исключение возможности примирения с обвиняемым в преступлении против государственных или общественных интересов означает для потерпевшего — представителя власти безосновательное ограничение его прав и ущемление интересов по сравнению с рядовым гражданином» [17].

При определении процессуального статуса потерпевшего следует уделить внимание правосубъектности несовершеннолетнего (малолетнего) потерпевшего.

В соответствии со ст. 76 УК РФ, потерпевший вправе выражать свое желание примириться независимо от возраста. Но при проведении соответствующей процедуры примирения он не может самостоятельно осуществлять свои права и обязанности. На его стороне выступают законные представители.

Поскольку примирение с преступником является достаточно сложной юридической процедурой, п. 2 — 3 ст. 45 УПК закрепляет положение, согласно которому при совершении процессуальных действий должны обязательно присутствовать законные представители несовершеннолетнего или недееспособного потерпевшего. Думается, процедура примирения не является исключением.

О несовпадении материального и процессуального статусов участников примирения можно говорить и в случаях проведения медиации с участием потерпевшего — юридического лица.

В соответствии со ст. 48 ГК РФ, юридическим лицом является организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать или осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом или ответчиком в суде.

Ст. 42 УПК РФ определяет, что потерпевшим может признаваться юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации.

Для того чтобы примирение с юридическим лицом состоялось, необходимо, чтобы оно приобрело соответствующий процессуальный статус потерпевшего через вынесение соответствующего постановления дознавателя, следователя, прокурора или суда. Представитель организации участвует в официальном оформлении примирения, но это не препятствует признанию стороной медиации самого юридического лица.

Посредническую функцию в институте примирения сторон выполняет государство в лице своих официальных органов. Условно можно выделить четыре группы государственных органов, участвующих в медиационных отношениях: органы дознания; органы следствия; прокурор и суд.

Как правило, при осуществлении дознания и предварительного расследования только собираются доказательства в пользу виновности (невинности) лица. В этой ситуации особую правовую значимость приобретает вопрос о том, должен ли дознаватель (следователь) доверять показаниям обвиняемого (подозреваемого), которые устраивают потерпевшего или же он должен в надлежащей форме устанавливать истину по делу, а затем прекращать уголовное преследование в связи с состоявшимся примирением.

С одной стороны, он обязан проверить истинность показаний, поскольку государство возлагает на него обязанность следить за тем, чтобы в примирении участвовало именно то лицо, которое совершило преступление.

С другой, излишним видится возложение на дознавателя и следователя обязанности восстановления истины вопреки пожеланиям подозреваемого и потерпевшего.

Данную дилемму разрешает п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК, указывающий на необходимость доказывания при производстве по уголовному делу обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности. В этой связи обязательного установления требует не только факт примирения сторон, но и факт совершения лицом преступления.

Функция прокурора в примирении сводится к определению, соответствует ли основание прекращения материалов дела, порядку и срокам прекращения уголовного преследования. При изучении материалов уголовного дела он должен проверить следующие факты: событие преступления; его правильную квалификацию; совершение деяния обвиняемым; отнесение преступления к категории небольшой или средней тяжести; факт действительного и добровольного примирения; заглаживание вреда и др.

Но правомочия прокурора не исчерпываются контрольной функцией. В частности, в рамках п. 16 ч. 2 ст. 37 УПК он вправе освободить виновного от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. И хотя эта функция в законе непосредственно не прописана, ничто не препятствует ее реализации в рамках осуществления иных правомочий.

Что же касается суда, то его участие в примирении заключается в информировании сторон о возможности примирения, а при достижении компромисса между сторонами — в прекращении уголовного дела на основании ст. 25 УПК.

3. Важным в раскрытии содержания ст. 25 УПК является вопрос

о юридическом оформлении соглашения о примирении.

Согласно букве закона, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон возможно на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ.

Конкретизируя позицию законодателя, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указал, что в соответствии со ст. 25 УПК условиями для прекращения уголовного дела являются: совершение обвиняемым преступления впервые, заявление потерпевшего о примирении с обвиняемым и заглаживание причиненного вреда, но не обозначил, в какой форме устной или письменной должно быть выражено согласие потерпевшего.

Неопределенность позиции законодателя компенсируется разнообразием и широтой практических подходов. Изучение материалов уголовных дел, прекращенных на основании ст. 25 УПК, позволяет выделять следующие формы выражения примирения сторон: устное и письменное заявление о примирении, акты о добровольной передаче имущества, расписки потерпевших, документы, подтверждающие возмещение факта возмещения ущерба (квитанции, чеки), договоры о примирении сторон и др.

Подчеркивая необходимость регламентации в УПК порядка оформления соглашения сторон о примирении и заглаживании причиненного вреда, ученые рассматривают различные варианты примирительного соглашения. В частности, Л.А. Воскобитова предлагает ввести документальную форму примирения в виде договора или соглашения, которые будут положены в основу заявления потерпевшего [18]. С ней согласны В.В. Дубровин [19], И.В. Жидких [20], А.А. Телятников [21] и др.

По мнению специалистов Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, удобной формой закрепления примирения сторон является протокол [22]. В нем должны быть отражены следующие сведения: добровольный отказ потерпевшего от уголовного преследования, факт возмещения вреда, и согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела по указанному основанию. С этим подходом сложно согласиться ввиду того, что протокол призван оформлять следственные действия, а примирение сторон к ним не относится.

Прежде чем высказать собственные соображения по поводу процессуальной формы примирения, важно подчеркнуть, что его основной функцией является максимально полная реализация интересов сторон. В случае достижения между ними соглашения, оно должно иметь обязательную силу для обеих сторон. А это означает, что потерпевший не вправе, получив компенсационные выплаты, отказаться от ранее состоявшегося примирения, а преступник в свою очередь обязан выполнить все условия соглашения, заключенного с потерпевшим.

На современном этапе развития примирительных технологий достичь этой цели практически невозможно, т.к. большинство условий соглашения ориентированы на будущее. Как показало изучение уголовных дел, каждое третье из них подлежало прекращению на основании соглашения сторон, в котором виновный давал обязательство заглаживать причиненный потерпевшему вред в будущем.

В целях создания гарантий защиты интересов потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) предлагаем придать примирению сторон характер консенсуальной сделки. Речь идет о предоставлении виновному определенного времени на выполнение обязательств. Уголовное производство в отношении него в таких случаях не прекращается, а приостанавливается до истечения сроков либо до производства оговоренных в соглашении действий.

Полагаем, что оформление между сторонами соглашения о примирении, имеющего характер консенсуальной сделки, позволит усилить контроль правоохранительных органов и суда за процедурой исполнения сторонами обязательств, исключит возможность злоупотребления правом, создаст гарантии для возмещения причиненного потерпевшему вреда и подчеркнет медиационный характер ст. 25 УПК.

В заключении отметим, что в условиях активного развития альтер-

нативных процедур разрешения конфликтов процессуальный институт примирения сторон должен расширять свои потенциал. Он может составить конкуренцию публичному производству по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести при условии его приведения в соответствие с целями и задачами восстановительного правосудия, идейными началами медиации и забытыми общинными традициями отечественного судопроизводства.

Примечания:

1. Mark S. Umbreit. Victim offender mediation training manual. University of Minnesota, 1998. P. 15.
2. Рекомендация №R (99) 19: принятая Комитетом министров Совета Европы 15.09.1999 // Правовая система «Гарант». М., 2014.
3. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006. С. 110.
4. Брейтуэйт Дж. Теория восстанавливающего стыда // Человек. 2002. №3. С. 19-23.
5. Усцила Р. Институт медиации «жертва преступления — преступник» за рубежом // Преступность и общество: сб. науч. тр. М., 2001. С. 12-15.
6. Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М., 2013. С. 387.
7. Синенко С.А. Примирение с потерпевшим по делам частного и публичного обвинения // Российская юстиция. 2012. №9. С. 27-31.
8. Виноградова О.Б. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2003. С. 14.
9. Восканян М. Примирение сторон портит статистику правоохранителей // Новая адвокатская газета. 2009. №9. С. 23.
10. Сидоренко Э.Л. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. №3. С. 49-57.
11. Рубинштейн Е.А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2004. С. 19.
12. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности. Проблемы и пути их решения. М., 2004. С. 95-96.
13. Белоусов В., Анастасов С. Реализация потерпевшим права на отказ от уголовного преследования // Уголовный процесс. 2007. №4. С. 75-78.
14. Борзов В. Не всякое примирение освобождает от уголовной ответственности // Уголовное право. 2012. №3. С. 110-114.
15. Сидоренко, Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. 2011. №4. С. 77-84.
16. Смахтин Е.В., Ларионова А.А. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского университета. 2013. №1. С. 210.
17. Куприянов А.А. Освобождение от ответственности за примирением обвиняемого с потерпевшим по части 1 ст. 318 УК РФ // Уголовный процесс. 2008. №4. С. 56-58.
18. Судебная власть и медиация. Идеи восстановительного правосудия // Юридические аспекты конфликтологии: сб. ст. / под. общ. ред. И.В. Петровой. Ставрополь, 2000. С. 9.
19. Дубровин В.В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 148.
20. Жидких И.В. Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания: дис. ... канд. юрид наук. Ростов н/Д, 2007. С. 142.
21. Сидоренко Э.Л., Телятников А.А. Обеспечение безопасности личности в российском уголовном праве. М., 2010. С. 179.
22. Парфенова М.В. Возмещение морального вреда и материального ущерба в случаях прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. №11. С. 60-66.

References:

1. Mark S. Umbreit. Victim offender mediation training manual. University of Minnesota, 1998. P. 15.
2. Recommendation No. R (99) 19: adopted by the Committee of ministers of the Council of Europe 15.09.1999 // Legal system "Guarantor". M., 2014.
3. Christie N. A suitable amount of crimes. SPb. 2006. P. 110.
4. Braithwaite J. The theory of restoring shame // The Person. 2002. No. 3. P. 19-23.
5. Ustila R. The institute of mediation "a crime victim — a criminal" abroad // Crime and society: coll. of proceedings. M., 2001. P. 12-15.
6. Sidorenko E.L. Dispositive mode of criminal and legal regulation. M., 2013. P. 387.
7. Sinenko S.A. Reconciliation with the victim in cases of private and public prosecution // The Russian Justice. 2012. No. 9. P. 27-31.
8. Vinogradova O.B. The dismissal of a criminal case on the non-rehabilitating grounds: Diss. abstract for the Cand. of Jurisprudence degree. M., 2003. P. 14.
9. Voskanyan M. Reconciliation of the parties spoils statistics of law-enforcement authorities // The new lawyers' newspaper. 2009. No. 9. P. 23.
10. Sidorenko E.L. Conditions of relief from criminal liability related to reconciliation with the victim // Criminal law. 2011. No. 3. P. 49-57.
11. Rubenstein E.A. Standard regulation of the institute of dismissal of a criminal cases in connection with reconciliation of the parties: Diss. abstract for the Cand. of Jurisprudence degree. M., 2004. P. 19.
12. Endoltseva A.V. Institute of relief from criminal liability. Problems and ways of their solution. M., 2004. P. 95-96.
13. Belousov V., Anastasov S. Realization of the right for refusal of criminal prosecution by a victim // The criminal process. 2007. No. 4. P. 75-78.
14. Borzov V. Not any reconciliation exempts from criminal liability // The criminal law. 2012. No. 3. P. 110-114.
15. Sidorenko E.L. On the status of the victim in the criminal law // The journal of Russian law. 2011. No. 4. P. 77-84.
16. Smakhtin E.V., Larionova A.A. On the problem of reconciliation of the parties in the criminal process // The Bulletin of the Perm university. 2013. No. 1. P. 210.
17. Kupriyanov A.A. Relief from responsibility in connection with reconciliation of the accused with the victim based on the 1 Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation // The criminal process. 2008. No. 4. P. 56-58.
18. Judicial authority and mediation. Ideas of restoring justice // Legal aspects of conflictology: coll. of art. / Ed. I.V. Petrova. Stavropol, 2000. P. 9.
19. Dubrovin V.V. The civil suit and other institutes of compensation of harm from crimes in criminal legal proceedings (the international, foreign and domestic experience of legal regulation): Diss. for the Cand. of Jurisprudence degree. M., 2010. P. 148.
20. Zhidkikh I.V. Realization of the criminal law at the general principles of determination of penalty: Diss. For the Cand. of Jurisprudence degree. Rostov-on-Don, 2007. P.142.
21. Sidorenko E.L., Telyatnikov A.A. Person's security in the Russian criminal law. M., 2010. P. 179.
22. Parfyonova M.V. Compensation of moral and material damage in cases of dismissal of criminal case in connection with reconciliation of the parties // Laws of Russia: experience, analysis and practice. 2012. No. 11. P. 60-66.